

Политический аспект института экстрадиции в постсоветском пространстве

Власта Л. Горичева^а, Ольга В. Левашова^б

^а*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия,
vlasta@mail.ru*

^б*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия,
olia.levashova@yandex.ru*

Аннотация. Институт экстрадиции имеет историю, длиной в тысячелетия, на протяжении которых, по мере усложнения общественных отношений, указанный институт пребывал в состоянии перманентного становления. Глобализация, как социально-политический феномен, оказала сильнейшее влияние на институт выдачи, осложнив и видоизменив этот процесс, заставляя его служить ответом на современные вызовы со стороны общества. И, несмотря на то, что постепенно институт экстрадиции стал характеризоваться позитивным отношением к правам человека, важным этапом на данном пути стали именно такие правовые акты, как Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция против пыток и многие другие, которые, в конечном итоге, обусловили изменение в привычном восприятии института экстрадиции, утвердив в нем необходимость обеспечения прав индивида в связи с выдачей в рамках межгосударственного сотрудничества.

Большая дискуссионность вопросов экстрадиции в правовой литературе, обилие правовых актов, отнюдь не однообразно подходящих к решению возникающих проблем, регулярно возникающие эмпирические доказательства отсутствия четко выработанных методов сотрудничества государств в вопросах экстрадиции — все это приводит к необходимости обращения к глубинным основам проблемы, определению места экстрадиции в системе международного права, разработке эффективных правовых норм, которые бы позволили институту экстрадиции полноценно проявить себя в вопросе борьбы с мировой преступностью. В постсоветском мире в институте экстрадиции появился свод правил и принципов, детерминирующих протекание процесса выдачи преступников: правило двойной криминальности, правило специализации, принцип «выдай, либо суди» и т.д.

Статья посвящена рассмотрению института экстрадиции и ориентирована на анализ своего прошлого, изменений, которые он претерпел в процессе становления, и проблем, с которыми этот институт в настоящее время сталкивается. Эта тема представляется весьма острой, собственно потому, что регулируется нормами не только отдельного государства, но и нормами международного права.

Неточности в современном законодательстве, уголовно-правовые проблемы института выдачи зачастую осложняются вмешательством политического фактора, иными словами отношения государств на мировой арене нередко оказывают огромное влияние на процесс экстрадиции. При этом, огромное влияние на институт экстрадиции оказывает текущая политическая обстановка и политические мотивы субъектов экстрадиции.

В данной работе авторы рассматривают политический аспект института экстрадиции (выдачи преступников) в современном законодательстве. Рассмотрение этих проблем, связанных с исключением политических преступлений из сферы выдачи, должно получить дальнейшее развитие, как в международном договорном праве, так и в национальном законодательстве.

Ключевые слова: экстрадиция (выдача преступников), политическое убежище, политические преступления, терроризм.

Для цитирования: Горичева В. Л., Левашова О. В. Политический аспект института экстрадиции в постсоветском пространстве. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(2):126-136. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-126-136

Political Aspect of the Institute of Extradition in Post-Soviet Space

Vlasta L. Goricheva^a, Olga V. Levashova^b,

^a*Yelets state University named after I.A. Bunin, Yelets, Russia,*
vlasta@mail.ru

^b*Yelets state University named after I.A. Bunin, Yelets, Russia,*
olia.levashova@yandex.ru

Abstract. The institution of extradition dates back from the thousands of years, during which the institution mentioned above has become in permanent evolving, with social relations getting complicated. Globalization, as a socio-political phenomenon, has the greatest impact on extradition having complicated and modified the process making it responds to current challenges on the part of society. And, despite the fact that eventually positive attitude toward human rights has come to characterize the institution of extradition, such legal acts as the Universal Declaration of Human Rights, Convention on the Protection of the Rights and Fundamental Freedoms, Convention against Torture and many others have become an important stage on its way, which ultimately have brought about changes in usual perception of the institution, having adopted the necessity of securing individual rights in it in connection with extradition through transnational cooperation.

Intensive discussion of extradition questions in legal literature, abundance of legal acts by no means approaching emerging issues repetitively, constantly arising empirical evidence of lack of clearly defined methods of international cooperation on extradition questions lead to the need to address the deep causes of the problem, to determine the place of extradition in the system of international law, to work out effective legal standards that would enable the institution of extradition to realize its full potential in the fight against world crime. In the post-Soviet space a set of regulations and principles, concerning extradition issues, appeared. It determined the process of getting out offenders: the rule of double criminality, the rule of specialization, the principle to extradite or prosecute and others.

The article is tied to study of the institution of extradition and is focused on the analysis of its past, changes, which it endured during its formation, and problems that the institution faces nowadays. This subject is quite sensitive strictly because it is regulated not only by rules of a particular state, but by rules of international law.

Contemporary international law can be characterized as a vector directed to protect human rights that undoubtedly affected the nature of the institution. Inaccuracies in contemporary legislation, penal problems of extradition are often complicated by interference of a political factor. In other words, relations between states on the world stage often have a huge influence on the process of extradition. At the same time, current political situation and political motives of subjects have a great impact on the institution of extradition.

In this work the authors consider the political aspect of the institution of extradition (giving the offenders out) in modern legislation. The study of these issues, connected with exclusion of political crimes from the scope of extradition, should be further developed in both international contract law and national legislation.

Keywords: extradition (giving the offenders out), political asylum, political crimes, terrorism

For citation: Goricheva V. L., Levashova O. V. Political Aspect of the Institute of Extradition in Post-Soviet Space. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(2):126-136. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-126-136

ВВЕДЕНИЕ

Политический аспект института экстрадиции основан на практике политического убежища, которая берет начало в XIX столетии. Подвергая анализу институт политического убежища, можно сделать вывод, что в отсутствие правовой защиты от высылки в этом случае, нивелировалась бы сама суть этого понятия — данное умозаключение можно наблюдать в работах О’Коннела [10]. В дальнейшем подход, который основывается на отказе в выдаче за политические преступления, получил в мировой практике название *political offence exception* — исключение политических преступлений. И хотя подобный подход с середины XIX века мы наблюдаем в договорных отношениях между различными государствами (Франция, Швеция, Бельгия, Великобритания, Нидерланды, Германия, США), Геофф Джилберт небезосновательно заявлял о том, что данная практика не выступает в роли общего принципа международного права,

а вопрос выдачи за политическое преступление — скорее, относится к вопросу частной государственной практики [7, p. 117].

Дело в том, что, в отличие от перечисленных ранее казусов экстрадиции, право человека на политическое убежище не получило такого же широкого признания на международном уровне. Еще более точно суть права убежища подмечена Л.Н. Анисимовым, который определяет его как основывающееся на государственном суверенитете и носящее исключительно политический характер [3, с. 168]. Будучи закрепленным статьей 14 Всеобщей декларации прав человека, право на убежище, тем не менее, в попытке ООН его кодифицировать, лишь было подкреплено не имеющей обязательной силы Декларацией о территориальном убежище 1967 года, носящей лишь рекомендательный характер [4, с. 125].

Необходимо отметить, что предоставленные убежища, если таковое имело место

быть, подразумевает следующие черты: разрешение въезда, поселение, обеспечение безопасности, невыдача лица в государство, способное подвергнуть его какого-либо рода преследованию. Также существуют особые меры по защите лиц, ищущих убежища, позволяющие им оставаться на территории государства, до того, как будет рассмотрено их обращение о том, чтобы получить статус беженца.

Исследование данного аспекта экстрадиции немыслимо без определения самого понятия политического преступления, которое, очевидно, весьма неоднозначно. Англо-американская доктрина «политического инцидента» основывается на необходимости политического преступления быть случайным и являться частью политических волнений. Данный подход весьма часто применялся американскими судьями для обоснования отказа в выдаче Великобритании членов Ирландской Республиканской Армии, которых обвиняли в совершении тяжких преступлений (в данном случае важно подчеркнуть тот факт, что США пренебрегли п.2 ст.1 Декларации о территориальном убежище: «На право искать убежище и пользоваться убежищем не может ссылаться никакое лицо, в отношении которого существуют серьезные основания полагать, что оно совершило преступление против мира, военное преступление или преступление против человечества по смыслу тех международных актов, которые были выработаны для того, чтобы предусмотреть нормы относительно этих преступлений»).

Вторая, более распространенная доктрина, называется доктриной политической мотивации: и хотя суть доктрины раскрыта в названии, необходимо заметить, что важным показателем здесь является определяемое судом соотношение применяемых средств и конечного результата. Сюда же

можно отнести критерий, подчеркнутый М. Браником в ходе анализа дела Виктора Васильева 1908 г.: политический элемент должен преобладать над общеуголовным [6, р. 178]. В деле *In re Ktir* было также отмечено, что: политические преступления должны быть мотивированы политическими страстями и осуществлены в рамках борьбы за власть, а также подчеркивалась значимость преследуемых интересов, чтобы оправдать причиненный ущерб [8, р. 349].

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В мировой практике также существует доктрина «политической цели», в сущности, объединяющая в себе признаки первых двух доктрин. Отличительной же чертой предстает то, что критерием политического преступления выступает направленность преступления против власти и государственных интересов.

Политические преступления могут быть разделены на две категории: *purely political offences* (чисто политические преступления) и *relative political offences* (относительно политические преступления) [7, р. 239]. Под первыми следует понимать преступления, посягающие непосредственно на интересы государства, без вовлечения третьих лиц (шпионаж, измена, подстрекательство к мятежу и т. д.). Такие деяния не подпадают под требования правила двойного вменения и не могут быть включены в договоры об экстрадиции.

Очевидно, что, задаваясь целью определения «политичности» преступления, необходимо учитывать множество факторов: объективные и субъективные обстоятельства дела, затрагивание интересов государства, определение ущерба и объектов, которым он была нанесен, насколько политический аспект перевешивает уголовный, причинно-следственную связь между совершенным преступлением и его целью, пропор-

циональность политической цели и так далее. Вместе с изложенным необходимо также принимать во внимание трактовку политических преступлений, к примеру, в Германии, где к политическим преступлениям, по сути, не относятся любые деяния, направленные на то, чтобы с помощью насилия бороться с текущей властью.

Подчеркнем озабоченность мирового сообщества тем фактом, что в некоторых случаях предоставление убежища может касаться людей, которые совершили тяжкие преступления. Эта озабоченность вылилась в Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма, указывающую на то, что перед принятием решения о предоставлении политического убежища необходимо убедиться в том, принимало ли лицо участие в террористической деятельности. Примером применения данного принципа может служить дело *McMullen vs INS*, когда в своем решении суд отметил, что взрывы, многочисленные убийства, пытки и тому подобное выходит за пределы политических преступлений, поскольку отсутствует достаточная связь между такой деятельностью и их политической целью. Вместе с тем, как уже подчеркивалось ранее, признание преступления политическим и последующее вынесение решения о предоставлении политического убежища остается на усмотрение властей того государства, в котором пребывает индивид.

Рассмотрим один документ, который вводит правило «деполитизации» преступления — Европейскую конвенцию о борьбе с терроризмом 1977 года. Данная конвенция создала условия и предпосылки для того, чтобы виновные в международном терроризме подлежали выдаче. Принятый в 2003 году Протокол, дополняющий данную Конвенцию, предусматривает, что для осуществления экстрадиции Договаривающиеся государства не станут политизи-

ровать преступления, сущность которых заключается в покушении на совершение деяний, попадающих под определение террористической деятельности. Правило деполитизации также применяется по отношению к преступлениям против человечности, геноциду, военным преступлениям. Обратим внимание также на тот факт, что правило деполитизации используется не только в международно-правовой практике, но и отражено во внутренних законах отдельных государств (Испания, Португалия, Италия, Азербайджан, Канада).

Подводя итог вышесказанному, можно отметить следующее:

- современная правовая практика базируется на правиле исключения политических преступлений из процесса экстрадиции;
- цель подобного правила — с одной стороны, защита прав человека, с другой — невмешательство во внутренние дела государства;
- для обеспечения наказания и ответственности лиц, совершивших тяжкие преступления, применяется правило деполитизации преступлений.

Тем не менее, необходимо отметить, что современное правовое поле не содержит четкого определения политического преступления и, более того, государства не стремятся к нему прийти, оставляя за собой право, толковать его так, как им это будет выгодно.

Что же является неотвратимым последствием подобного подхода? Рассмотрим для ответа на этот вопрос современную российскую действительность. Наиболее громкие и вызывающие наиболее мощный общественный резонанс споры о выдаче того или иного преступника (например, дело Ахмеда Закаева, Бориса Березовского, Виктора Бута, Эдварда Сноудена, Андрея Лугового) все чаще имеют политический оттенок, что обращает институт экстради-

ции в составную часть глобального политического противостояния и давления — с одной стороны, или же институт экстрадиции, будучи нацеленным на обеспечение транснациональной безопасности, априорно находится под контролем и перманентным влиянием уже имеющихся политических парадигм и отношений между государствами, что, естественно, отрицательно сказывается на его эффективности.

Как становится понятно из изучения практики применения института экстрадиции, сам элемент выдачи преступника является обязательным лишь в том случае, если между государствами достигнуты и документально закреплены соответствующие договоренности. В ином случае, экстрадиция является правом государства, но не его обязанностью. Поскольку порой договоры о выдаче между странами отсутствуют, производятся попытки достигнуть желаемого результата за счет политического и экономического давления, что, соответственно, подрывает позиции экстрадиции как транснационального явления международного права, целью которого является борьба с преступностью. Представляется очевидным, что наибольшего успеха в рамках применения договоров о выдаче преступников достигли страны Европейского Союза и стран, подписавших Европейскую Конвенцию о выдаче. Подробнее рассмотрим последнюю, поскольку ее подписание российской стороной хоть и произошло, но с оговорками, которые являются очень показательными, поскольку проливают свет на российское понимание процесса выдачи преступников. Итак, Россия ратифицировала данную конвенцию в 1999 году, однако, сделав оговорку о том, что Российская Федерация не будет осуществлять выдачу собственных граждан (к слову, помимо России, также с оговорками данная конвенция была подписана Израилем, ЮАР и Кореей). Дан-

ная позиция, хоть и является политически обусловленной с той точки зрения, что Россия пока стоит особняком в Европейской системе правовых отношений и интеграция в систему европейского права только начинает затрагивать нашу страну, тем не менее, данная позиция тормозит институт развития экстрадиции. Как мы помним, цель института экстрадиции — борьба с транснациональным аспектом преступности. Борьба же с преступностью подразумевает систему наказаний, а наказание, в свою очередь, среди своих целей имеет не только исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений, но и восстановление социальной справедливости.

Рассмотрим вышесказанное на примере. Гражданин государства А по имени Х совершил преступление, находясь в стране В. Для наглядности, представим, что деянием, совершенным гражданином Х была торговля оружием. Очевидно, что, находясь в стране В, гражданин Х совершил преступление против интересов этой страны и, соответственно, против интересов ее народа. Следовательно, руководствуясь потребностью в восстановлении социальной справедливости, представляется логичным, если государство В само будет определять меру наказания для гражданина Х (что и произошло в действительности). Если же гражданин Х успел скрыться в собственной стране А, то страна А должна выдать гражданина Х стране В для судебного разбирательства.

Данный пример является обобщением дела Виктора Бута, и из данного примера видно, что Российская Федерация (являясь стороной, А и настаивая на экстрадиции Бута обратно на родину) пренебрегает схемой борьбы с международными преступлениями, пытаясь навязать миру свою методику борьбы с преступностью (правда, весьма обоснованно, принимая во внима-

ния общий политический фон, на котором происходит борьба с транснациональной преступностью в системе отношений «Россия Остальной мир»).

Вместе с тем, описанный пример является своего рода «идеальным типом» по М. Веберу, реальность же гораздо шире. На деле, в силу отсутствия унифицированной системы права, решения о выдаче своих граждан не всегда будет соответствовать принципу справедливости.

В условиях, когда многие государства только начинают или находятся в середине пути своей интеграции, особое место занимает принцип, сформированный Гуго Гроцием в книге «О праве войны и мира». Принцип «выдай либо суди» закреплен и в Европейской концепции о выдаче и в других документах, регламентирующих деятельность государств в вопросе института экстрадиции. На практике его применение означает следующее: если государство А отказывает государству В в выдаче лица, совершившего преступное деяние, оно обязано его судить. Что позволяет достигнуть уже упомянутых выше целей самой сути уголовного наказания. Вместе с тем, новейшая история Российско-Британских отношений является примечательной, поскольку за последние 20 лет данный принцип под различными предлогами неоднократно нарушался, что позволяло лицам, подозреваемым (а иногда и осужденным) в совершении общественно опасного деяния (а иногда и не одного), уходить от ответственности. Примеры следующие:

- **Ахмед Закаев.** Бригадный генерал самопровозглашенной ЧРИ. В 2001 году был объявлен Генпрокуратурой РФ в международный розыск по обвинению в терроризме, организации убийств мирного населения и сотрудников правоохранительных органов. Решением Лондонского

суда в 2003 в экстрадиции было отказано ввиду того, что Закаев преследуется на основании наличия определенных политических взглядов. Решением МВД Великобритании ему было предоставлено политическое убежище;

- **Борис Березовский.** С 20 сентября 2001 года он находился в розыске в России по обвинению в мошенничестве, отмывании денег, попытке насильственного захвата власти. Ссылаясь на факт предоставления в 2003 году Березовскому политического убежища, Великобритания отказала России в экстрадиции;
- **Андрей Луговой.** В июле 2007 года Великобритания потребовала от России выдачи Лугового как подозреваемого в убийстве гражданина Великобритании Литвиненко. Ссылаясь на конституционный запрет на выдачу своих граждан, Россия отказала в экстрадиции Лугового. Вместе с тем, Россия не предприняла попыток расследования дела Лугового, поскольку, как депутат Госдумы, Луговой обладает неприкосновенностью, поэтому в отношении него не могут быть проведены необходимые следственные мероприятия.

Как видно из перечисленных примеров, политика часто вмешивается в дела юриспруденции и международных правовых отношений, что создает благоприятную почву для развития транснациональной преступности, хотя это и не всегда является целью такого рода вмешательства. Следовательно, необходимо довести развитие института экстрадиции до такого уровня, когда вопросы выдачи преступников решались бы без вмешательства посторонних сил и вышли бы из под влияния факторов, тормозящих становление общества, свободного от преступности.

Из приведенных выше примеров следует еще одно интересное, хотя и предсказуемое,

обстоятельство: постоянное давление со стороны политического пространства, вернее, успешность этого давления, говорят о том, что у современных суверенных государств зачастую парадигма глобализации не выстроена в строгую логическую цепь, иными словами: объем прав и привилегий, предоставляемых процессом экономикой (в первую очередь), политической, культурной, юридической унификации, не совпадает с объемом признаваемых обязанностей. То есть, суверенные государства, включенные в единую систему взаимоотношений, охотно идут на сотрудничество на поле экономики, заключая всевозможные союзы, снижая различные квоты и налоги, на культурном поле — поддерживая обмен интеллектуальным и культурным достоянием, в вопросе защиты окружающей среды, в политических вопросах (создание международных военных организаций и блоков) — но, вместе с тем, на политическом уровне (особенно это находит свое выражение во внутренней политике, которая, собственно, и затрагивается объектом потенциальной экстрадиции) такое сотрудничество отсутствует.

ОТКАЗ ОТ ВЫДАЧИ СОБСТВЕННЫХ ГРАЖДАН

Другой нерешенной проблемой современного института экстрадиции выступает отказ от выдачи собственных граждан. В подавляющем большинстве случаев принадлежность к гражданству запрашиваемого государства является основанием, блокирующим экстрадицию. И хотя чаще всего экстрадиции подвергаются иностранцы, на практике не редки случаи, когда лицо совершает преступление на территории чужого государства, затем скрываясь на родине от правосудия. Тем не менее, теоретически в такой ситуации может возникнуть вопрос об их выдаче. Подавляющее большинство государств в таких случаях

отказывает в выдаче, из чего можно сделать вывод о том, что юридический статус лица как гражданина защищает его от выдачи.

Гражданство, в данном контексте, является длящимся правовым состоянием — и вопрос о выдаче своего гражданина является внутренним вопросом государства.

Однако вопрос о выдаче своих граждан не так однозначен. Вне всяких сомнений, расследование, последующее судебное разбирательство по уголовному делу будет куда эффективнее, если будет проводиться по месту совершения преступления, вместе с тем, выдача собственных граждан была в данном случае фактом ограничения суверенной власти государства над своими гражданами. Ситуация осложняется еще больше, если само деяние не является преступлением по законодательству запрашиваемого государства. Также необходимо учитывать, что будет сохраняться сомнение в объективности суда запрашивающего государства, стремящегося вершить правосудие над иностранцем. Именно поэтому такие запросы редко подлежат удовлетворению. В таких случаях хорошим вариантом развития событий является уже то, когда государства идут хоть на какие-то компромиссы. В этой связи можно вспомнить о деле Локкерби — взрыве самолета гражданами Ливии, которая, хоть и отказавшись выдавать своих граждан запрашивающим государствам, основываясь на своем законодательстве, тем не менее, разрешила их выдачу третьей стороне — Нидерландам, где и было произведено судебное разбирательство.

Надо отметить, что хотя практика невыдачи собственных граждан характерна для большинства государств континентальной системы права, в свете последнего правового развития некоторые страны (как, например, Германия) соглашаются экстрадировать собственных граждан в рамках

Европейского Союза. Выдача собственных граждан является обычной практикой для таких государств, как США, Великобритания и Канада, хотя в этом случае присутствует несколько условий:

- наличие договора, предусматривающего подобную выдачу;
- практика должна быть взаимной [5, с. 35].

Суды Великобритании весьма справедливо полагают, что невыдача своих граждан, равно как и любое другое строгое толкование внутреннего законодательства, в таких вопросах, как выдача преступников, является противодействием цели правосудия. Подобная практика закреплена и нашла свое отражение во многих межгосударственных договорах о выдаче.

В то же время, необходимо заметить, что невыдача собственных граждан не влечет за собой поощрение преступной деятельности. Когда лицо по причине принадлежности к запрашиваемому государству не может быть экстрадировано, по просьбе заинтересованной стороны оно может быть привлечено к ответственности, что подтверждается ч.2 ст.6 Европейской конвенции об экстрадиции и различными международными Договорами [9]. В данном случае в очередной раз находит свое применение принцип «aut dedere aut iudicare» — либо выдай, либо суди: «государства не должны допускать, чтобы другое государство вооруженной силой вступило в их пределы ради осуществления наказания, так как это нецелесообразно, то государство, в котором находится тот, кто уличен в преступлении, должно само или по требованию другого государства наказать по заслугам преступника или же предоставить это на усмотрение соответствующего государства [1, с. 508]». Особенно актуальным данный принцип является, когда речь идет о преступлениях против человечности, геноциде, военных преступлениях, терро-

ризм и т. д. Как отмечает Э. Давид: «обязательство пресекать военные преступления выступает в форме альтернативы aut dedere aut iudicare или aut prosequi. В соответствии с этим обязательством любое государство должно разыскивать исполнителей военных преступлений или преступлений против человечности и привлекать их к уголовной ответственности за эти деяния независимо от гражданства исполнителей преступлений и их жертв, а также места совершения деяний либо выдавать исполнителей этих преступлений согласно праву государства, к которому обращено требование об экстрадиции, любой державе, требующей их выдачи в целях преследования. Таким образом, государство обязано осуществить... универсальную уголовную компетенцию в отношении исполнителя военного преступления или преступления против человечности либо... выдать его любому заинтересованному государству [2, с. 507]».

К каким же можно прийти выводам, резюмируя постсоветскую историю института экстрадиции?

1. Необходимо отметить, что вопрос экстрадиции набирает в современном мире, пронизанном перманентным процессом взаимной интеграции государств, все большую актуальность. Что выливается в огромное количество договоров и конвенций, заключаемых различными государствами с целью упорядочивания института экстрадиции.
2. Важной характеристикой современного понятия об институте экстрадиции, в сравнении с его более ранними историческими этапами, является ряд правил, под эгидой которых осуществляется процесс выдачи преступников.
 - Правило двойного вменения, согласно которому для осуществления выдачи необходимо, чтобы деяние являлось преступным по законодательству обо-

их государств, принимающих участие в процессе экстрадиции.

- Правило специализации, защищающее экстрадированное лицо от преследования по каким-либо иным деяниям, не учтенным в самом запросе об экстрадиции.
3. Исходя из того, что сложившаяся мировая практика делает запрашиваемое государство в определенной степени ответственным за выдаваемое лицо, выдача в современном мире будет правомерной только в том случае, когда она не подразумевает нарушение прав человека.
- Таким образом, ограничивается выдача дискриминируемых по каким-либо признакам преступников.
 - Выдача становится невозможной, если наказанием выданному преступнику будет являться смертная казнь.
 - Выдача не осуществляется, если есть основания полагать, что к человеку со стороны запрашивающей стороны будут применены пытки.
 - В выдаче, вероятно, может быть отказано, если лицо преследуется за политические преступления.
4. В современном мире весьма популярной остается практика невыдачи собственных

граждан, совершивших правонарушение за пределами своего государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В чем же заключалась проблематика института экстрадиции на постсоветском этапе его развития? Судя по рассмотренным делам, складывается впечатление, что основной проблемой является чрезмерное вмешательство политики в дела юриспруденции, другими словами, международные правовые нормы, закрепляющие сущность, структуру и функции института выдачи преступников пока являются достаточно размытыми и абстрактными, что позволяет государствам, по сути, принимать решения о выдаче, основываясь не на соображениях поддержания мирового правопорядка, а исходя из своих личных политических целей и политических активностей. И хотя постепенно заключаются все новые мировые договоренности, направленные на упорядочивание данного института (такого рода достижением можно считать Европейский ордер на арест), все же пока каждое дело об экстрадиции может быть рассмотрено исходя из частных интересов государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гроций Г. О праве войны и мира. Москва: Наука; 1956.
2. Давид Э. Принципы права международных конфликтов. Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета. Москва: Международный Комитет Красного Креста; 2011.
3. Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С. Международное право: учебник. Москва: Юрайт-Издат; 2009.
4. Левашова О.В. Горичева В.Л. Современный аспект института экстрадиции. *Успехи современной науки*. 2016; 3(9): 125-129.
5. Лукашук И.И., Наумов А.В. Выдача обвиняемых и осужденных. Учебно-практическое пособие. Москва: Рос. Юрид. изд. Дом; 1998.
6. Branick M. Extradition and the Conflict of Northern Ireland: The Past, Present and Future of an Intractable Problem. London: Hastings Int'l & Corp; 2002.
7. Gilbert G. Aspects of Extradition Law. London: Kluwer; 1984. С. 117.
8. Greig D.M. International Law. London: Law Review; 1970.

9. Amato A.D. International Law Anthology. Cincinnati: Anderson Publishing Company; 1995.
10. O'Connell D.P. International Law. New York: Stevens & Sons; 1965. C. 799

REFERENCES

1. Grotzky G. About the Law of War and the Peace. Moscow: Nauka; 1956. (In Russ.)
2. David E. The principles of the Law of International Conflicts. A course of lectures, held in the faculty of Law of Open Brussel University. Moscow: The International Committee of the Red Cross; 2011. (In Russ.)
3. Kolosov Y.M., Krivchikova E.S. International Law: the textbook. Moscow: Uwrite-Publish; 2009. (In Russ.)
4. Levashova O.V., Goricheva V.L. The Modern Aspect of the Institution of Extradition. *Progress of Modern Science*. 2016; 3(9): 125-129. (In Russ.)
5. Lukashuk I.I., Naumov A.V. The Extradition of Accused and Convicted Persons. Practical Study Guide. Moscow: Rus.Judic Publish. House; 1998. (In Russ.)
6. Branick M. Extradition and the Conflict of Northern Ireland: The Past, Present and Future of an Intractable Problem. London: Hastings Int'l & Corp; 2002.
7. Gilbert G. Aspects of Extradition Law. London: Kluwer; 1984. p. 117
8. Greig D.M. International Law. London: Law Review; 1970.
9. Amato A.D. International Law Anthology. Cincinnati: Anderson Publishing Company; 1995.
10. O'Connell D.P. International Law. New York: Stevens & Sons; 1965. p. 799.
-
 Статья получена 14.04.2017
 Received 14.04.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Власта Л. Горичева, Кандидат юридических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия; 399770, Россия, Елец, ул. Коммунаров, д. 28; vlasta@mail.ru

Ольга В. Левашова, Кандидат юридических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия; 399770, Россия, Елец, ул. Коммунаров, д. 28; olia.levashova@yandex.ru

Vlasta L. Goricheva, Candidate of Legal Sciences, Yelets state University named after I.A. Bunin, Yelets, Russia; 28, Kommunarov st., Elec, Russia, 399770; vlasta@mail.ru

Olga V. Levashova, Candidate of Legal Sciences, Yelets state University named after I.A. Bunin, Yelets, Russia; 28, Kommunarov st., Elec, Russia, 399770; olia.levashova@yandex.ru